

литературная серия
«ПРО НАШУ ЖИЗНЬ»

Сергей
ТЕПЛЯКОВ

АЦЕТОНОВЫЕ *детки*

КНИГА
О СМЫСЛЕ
ЖИЗНИ

ДВУЛЛЕР 3

Сергей Александрович Тепляков
Двуллер-3. Ацетоновые детки
Серия «Двуллер»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2819195
Ацетоновые детки: ОАО «ИПП «Алтай»; Барнаул; 2012
ISBN 978-5-88449-260-8*

Аннотация

16-летний подросток расстрелял целую семью – отца, мать и двоих маленьких детей – ради автомобиля и ради того, чтобы пару-тройку дней «пожить как человек». Дочь «заказала» своих родителей потому, что они просто «достали придирками». Ученик зарезал учительницу прямо на уроке – просто так, чтобы «посмотреть, как получится». Что с нами происходит? Или уже произошло? Как разбудить в человеке Человека? Да и спит ли он – а то, может, уже и умер? На эти вопросы ищут ответы герои новой книги Сергея Теплякова, входящей в трилогию «Двуллер».

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	4
Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	28
Глава 6	37
Глава 7	41
Глава 8	44
Глава 9	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Сергей Тепляков

Ацетоновые детки

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Утро в газете «Правда края» началось как всегда с планерки. У планерки в свою очередь были также традиции: в начале главный редактор зачитывал несколько анекдотов с последней страницы свежей «Комсомолки». Чаще всего анекдоты были с подтекстом, касавшимся редакторской семейной жизни, которая, судя по выбору анекдотов, была безрадостна. Вчера, например, он со значением прочитал «на супружеский долг опять набежала пеня!» и так посмотрел на всех, будто хотел, чтобы ему посочувствовали, ну или хотя бы задали вопрос, позволивший бы излить душу. Но редакционный народ уже давно привык к этому утреннему редакторскому легкому душевному стриптизу, да к тому же все знали, что рассказы редактора о его жизни короткими не бывают, а планерку хотелось бы уложить в полчаса.

Нынче редактор, видать, ничего не нашел в «Комсомолке» про семейную жизнь и поэтому прочитал:

– «Опилки и макулатуру в колбасу не кладут... – признался представитель колбасной промышленности. – Это слишком дорогое сырье!»

Все захохотали. Смеялись без верноподданности, по-разному – кто в голос, кто лишь усмехнулся, кто тут же шепотом завел с соседом разговор про легендарную советскую «колбасу за два двадцать».

– Ну ладно... – оборвал сам себя и других редактор. – Кто у нас дежурил?

Алексей Петрушкин поднял руку:

– Я!

– Два слова! Буквально два слова! – сказал редактор. Петрушкин заговорил – во сколько подписали номер, что в нем было хорошо, а что не очень (по обычной газетной традиции друг друга никто особо не ругал, ибо сегодня обругаешь ты, а завтра обругают тебя. Из-за этого как-то так выходило, что газета день ото дня получается одна краше другой).

– Номер крепкий, я бы даже сказал – ударный! – начал Петрушкин.

Бесчетнов усмехнулся на своем месте. Он сидел отдельно от остальных, на отшибе – когда-то давно, в первые дни работы в этой газете, ему не хватило места за общим столом, и он один сел у стены. Потом у него появились соседи – два-три человека обязательно отделялись от коллектива и усаживались рядом с Бесчетновым, даже если за столом были места – это был такой недорогой способ быть не как все. Вот и

сейчас рядом с Бесчетновым сидел Валерий Ушаков, корреспондент отдела экономики. – один номер ударнее другого, а тиражи падают... – вполголоса сказал Бесчетнов Ушакову. Тот, усмехнувшись, кивнул. Оба они были старыми журналистами, помнившими еще те времена, когда выпуск газеты был совершенно завораживающим зрелищем сам по себе: в цехе стояли громадные линотипы, в которые с одной стороны в котел медленно опускались свинцовые «чушки», таявшие внутри от страшной, непредставимой, температуры, и каплями выливавшиеся на другую сторону, где из этого свинца получались горячие газетные строчки. В том же цеху стоял талер – станок, на котором верстались газетные полосы и делались первые оттиски газетных страниц. На талере всем распоряжался метранпаж, шилом выковыривавший из тесных колонок одни строчки и кулаком вколачивавший в колонку другие – не так уж и давно тот же Петрушкин, хорошо знавший французский язык, пояснил Бесчетнову, что это слово французское и означает примерно «хозяин страниц» или «распорядитель страниц» – мэтр-ан-паж. К талеру в молодые бесчетновские годы посылали новичков, так и говорили: «Сходи в типографию к Никодиму Иванычу Талеру, возьми у него ведро краски». Типография участвовала в заговоре – новичку говорили, что Талер «вот только что здесь был», «вот туда ушел», «велел подождать себя десять минут».

Теперь и талер, и метранпаж, и линотипы, и громадные

ротационные машины высотой в два этажа – все осталось в прошлом. Хотя на компьютерах ошибки правились быстрее и фотографии получались куда лучше, чем когда-то из цинковых клише, но для Бесчетнова все производство газет как-то скукожилось, сжалось, не впечатляло, как прежде, двадцать лет назад. «и дело газетное измельчало, и газеты... – вдруг грустно подумал Бесчетнов. – Какие статьи мы зафигачивали в девяностые годы»...

– А чем порадует нас отдел новостей? – спросил редактор.

Бесчетнов (он был редактор отдела новостей) вскинул на него глаза и ответил, пожав плечами:

– Новостями. Сейчас позвоню ментам – наверняка ведь кто-нибудь кого-нибудь уже убил, чтобы нам было что поставить на первую полосу...

Все засмеялись, но как-то так, без огня – хуже, чем над редакторским анекдотом: подобные шутки нравились не каждому.

– Одними убийствами газету не спасешь... – сказал редактор. – Должны же быть и хорошие новости.

– И хорошие будут... – кивнул Бесчетнов.

После этого редактор принялся распределять свои поручения, одним из которых была поездка с губернатором на открытие какого-то завода. Услышав это, Валерий Ушаков попытался – Бесчетнов почувствовал это – как-то сжаться и стать незаметным. И это ему удалось.

– Петрушкин! – проговорил редактор. – вы не против про-

катиться с губернатором?

– Езжай, Леха, там банкет будет! – под коллективный смех закричал кто-то из общего ряда, сидевшего у окна.

– Вот еще, икры я что ли не видел? – хмыкнул Петрушкин. – Извиняйте, Александр Федорович, но я с завтрашнего дня в отпуске, так что губернатор откроет завод как-нибудь без меня...

– Точно! – хлопнул себя редактор по лбу. – Вы же в отпуске! Кому же ехать?!

Он обвел планерку глазами.

– Ушаков! А слона-то я и не заметил! – воскликнул он.

Планерка захохотала – Ушаков имел рост под два метра и комплекцию такую, что термин «слон» был не так уж и неуместен.

– Вот блин... – досадливо пробормотал Ушаков и заговорил: – Но тогда, Александр Федорович, я не успею сдать материю про Горьковский рудник.

Торговаться – это была обычная манера Ушакова. Не то чтобы он был ленив – просто Ушаков по натуре своей был историк, краевед, и материалы по истории привлекали его куда больше. В отдел экономики много лет назад записали его потому, что только там была вакансия – да и экономики в те времена еще не было, так что не все ли равно. Но с тех пор экономика, какая-никакая, а появилась. Ушаков от экономических тем маялся и относился к ним как, должно быть, крепостной крестьянин относился к барщине.

Покончив с распределением заданий, редактор на миг задумался, нахмурился, словно вспоминая, не забыл ли чего, потом, видать, решил, что не забыл, и сказал:

– Ну все! Разбежались!

Планерка почти одновременно встала. Загрохотали стулья. Люди начали выбираться к выходу.

– Леха, а ты куда едешь-то? – кричал кто-то. – В Индию?

– Какая индия, ты что? – отвечал неведомо кому Петрушкин, пробираясь в толчее. – С нашими-то деньгами. Бюджетный отдых в пределах региона: машина, палатка, спальные мешки. Поедем в горы...

– В горы? Так ты же недавно там был, доехал до самой Монголии... – удивился Бесчетнов.

– Я-то был, а семья нет... – отвечал Петрушкин. – А у меня же мужики растут, пусть привыкают и отдыхать как мужики – дрова собирать, костер разводить, рыбу ловить. Да и Сибирь пусть посмотрят – какая она огромная и красивая...

«Мужики» – это были двое петрушкинских сыновей. Один нынче закончил первый класс, второму, помнил Бесчетнов, было чуть больше трех лет. На словах Петрушкин был циник и всякие «чуйства» отрицал. Но Бесчетнов давно раскусил товарища и знал, что своих сыновей и свою жену Петрушкин любит как квочка – до самозабвения.

– Завидую вам... – уже в коридоре сказала Петрушкину Наташа Зощенко, корреспондент. – Отпуск, путешествие...

Наташа, несмотря на все события своей жизни, была ро-

мантик. Бесчетнов глянул на нее и сердце его сжалось от любви, которая каждый раз удивляла его. «Проняло же меня на старости лет...» – подумал Бесчетнов, кокетничая сам с собой: ему было всего лишь за сорок. Глаза у Наташи при словах о путешествии стали мечтательные – будто она уже видела дальние страны. Петрушкин хмыкнул – ему было приятно. Он и сам в душе радовался – предвкушение дальней дороги всегда приводило его в легкое возбуждение.

– Леха, с тебя дембельский аккорд! Напиши две новости и можешь уматывать! – распорядился Бесчетнов.

Петрушкин хмыкнул.

– Да легко! – сказал он. – Я тебе и три напишу!

Глава 2

Было около двух часов дня, когда Петрушкин вырвался из редакции. Как обычно, дела заедали – к двум новостям прибавилась какая-то текучка, кто-то то и дело звонил по телефону и набивался встретиться, требуя провести журналистское расследование и суля историю, которая взорвет мир (правда, при расспросе такие истории оказывались чаще всего или о ямах на дороге или о какой-нибудь нелегальной свалке).

Выйдя из дома печати, Петрушкин уселся в машину. Это была темно-синяя «японка», большая, семейная, имевшая неплохой вид. Знатоки, правда, с первого взгляда определили бы, что машине уже немало лет, а по газовому баллону под днищем поняли бы, что машина переделана на газ, а это уже – последний этап автомобильной судьбы. Но Петрушкину машина нравилась: в ней помещалась со всем скарбом вся его семья, и даже еще оставалось место – над этим они с женой неопределенно пошучивали.

Алексею Петрушкину было тридцать пять лет. У него было вытянутое книзу лицо без особой красоты, с внимательными глазами. Смотрел Петрушкин обычно вприщур, словно примеривался, прицеливался, это был уже почти рефлекс, отчасти исходивший из петрушкинского спортивного прошлого – Алексей много занимался всяким спортом, особен-

но карате, к которому его приохотил отец, занимавшийся этим видом единоборств еще с тех пор, когда за карате сажали в тюрьму. Худощавость Петрушкина была обманчива и немало разных хулиганов попались на эту обманку. Под одеждой Петрушкин был мускулист. В бою он реагировал мгновенно, бил тяжело, чтобы один раз. От Петрушкина исходила особая уверенность – при первом знакомстве она настораживала мужчин и завораживала женщин.

Петрушкин ехал в цветочный магазин – сегодня было 1 августа, день, когда уже не так уж мало лет назад он познакомился со своей будущей женой. Петрушкин с улыбкой вспомнил, как он шел по проспекту, как его взгляд остановился на девушке, проходящей мимо с лицом совершенно счастливого человека. Петрушкин по инерции прошел дальше, потом спохватился, и, поспешно сделав по другой дорожке круг, снова пошел этой девушке навстречу, с некоторой досадой подумав, что – вот черт!

– Оделся в джинсы и какую-то дурацкую майку!

– Отчего человек может быть так счастлив? – спросил он ее.

Она остановилась и посмотрела на него снизу вверх своими огромными карими глазами.

– Я поступила! – восторженно ответила она. – Я поступила!

Оказалось, в этот день ее зачислили на первый курс местного иныза. Петрушкина удивило, что она поступила на не

очень-то модный французский – он тоже учил французский и в школе, и потом в университете. Это был какой-то знак. Да в общем-то все было знак – и то, что он встретил ее, и то что сделал круг, и то, что она совершенно не обратила внимания на его майку, остановилась и заговорила с ним, будто с одноклассником.

Ей было семнадцать лет. Ее звали Алина. Родители Петрушкина встретились много лет назад и жили без скандалов – он был воспитан, что вот такой и бывает семья. Судьба пускала в него свои костяные стрелы, но они отскакивали от брони, которой защитила Петрушкина жизнь, прожитая в родительской любви. Петрушкин в общем-то считал, что иначе не бывает, истории про несчастливые семьи слушал с удивлением. «Зачем люди живут вместе без любви?» – думал он, зная, что сам на такое не способен.

То лето они провели вместе, а потом Петрушкин уехал в Москву – он учился на журфаке МГУ. Может, какие-то журналистские дали и расстилались перед ним, но Петрушкин знал, что журавль уже у него в руке, и по окончании университета, удивив многих, приехал в родной город и поступил на работу в «Правду края».

Бесчетнов, узнав, что этот парень – выпускник главного журфака страны, спросил его однажды, чего же не остался в столице. «Жена доучивается здесь, и пусть заканчивает со своими... – ответил тогда Петрушкин. – А мое дело работать, семью кормить. А захотим – уехать еще не поздно».

К тому времени у них с Алиной уже был Данил, которому нынче было семь лет и который сейчас закончил первый класс. Второму сыну Петрушкиных было три с половиной. Хоть и детсадовец, а уже ходил с отцом и старшим братом в спортзал, имел свое маленькое кимоно и делал те движения, на какие хватало его детских силенок. Дома братья бились друг с другом на пластмассовых мечах, недавно подаренных отцом. Бились азартно, но без злобы – Петрушкин и сам был воспитан так, что других надо защищать, и детям это, сам не понимая и не замечая, как передал.

Петрушкин, особенно с тех пор, как родился младший, Аким, все думал – что же такое воспитание, что это – воспитывать? Вспоминая, он понимал, что отец с матерью не говорили ему речей, и специальных разговоров на тему, что такое хорошо, а что такое плохо, не было или почти не было. «А поди ж ты – вроде нормальный получился из меня человек...» – чуть насмешливо думал Петрушкин сам о себе. Отец когда-то давно, при самом начале петрушкинского интереса к журналистике, сказал ему, что главное назначение журналиста в России – заступаться за людей. Эта мысль захватила Петрушкина, в этом было что-то и от трех богатырей, и от героев-панфиловцев. Отец прожил жизнь так, что его знал весь край и даже в самых дальних селах то и дело кто-то здоровался с ним. Уже много лет отец был в крае собкором главного информационного агентства страны – а это был немалый чин. В советские времена к этому чину прила-

гальса машина, квартира с кабинетом и много чего еще, но уже давно льготы сошли на нет, остались одни обязанности.

Отец не сожалел об этом, и это тоже был урок.

Петрушкин по долгим размышлениям понял, что главное воспитание – жить правильно. Родительская жизнь – главный урок и главное домашнее задание. Поняв это, он старался, чтобы дети в доме ничего, кроме любви, не видели. Намеченное путешествие было частью правильной жизни: дети должны знать, что есть мир и за пределами квартиры, должны с малых лет приучиться к простору настоящей жизни.

Глава 3

Еще услышав звук ключа в замке, пацаны бросились встречать отца и, едва открыв дверь, он был уже облеплен ими.

– Папа! Папа! – восторженно кричали они, будто не видели его как минимум месяц, повисли у него на ногах и он, улыбаясь, так пошел с ними, хохочущими, вперед, навстречу жене. Они поцеловались. Он отдал ей цветы.

– Это тебе от всего нашего мужского коллектива! Спасибо, что ты есть! – торжественно, но с улыбкой, сказал Петрушкин. – Ура, пацаны!

– Ура! – завопили сыновья, не очень при этом понимавшие, что за праздник у родителей, но радуясь любому поводу покричать «ура!».

Алина смотрела на Петрушкина повлажневшими глазами.

– Надо же... не забыл... – сказала она, хоть и понимала, что он не мог такое забыть.

– Вот еще... – ответил он.

– Смотри, Нина нам смс прислала... – показала Алина ему свой телефон: – «Поздравляю со знакомством! Спасибо, что вы есть!». Это ты у нее текст переписал?

Нина была ее подруга еще с институтских времен.

– Нет, это она у меня... – отшутился Петрушкин. – Ишь, и она помнит...

– Ну, а почему бы нет? – ответила жена. – Все же лучшая подруга. Она про нас все знает.

– Прямо все? – хитро спросил Петрушкин. – И про двадцатое августа тоже?

Алина, уходящая уже было на кухню, лукаво оглянулась на него.

– Нуууу... – протянула она.

– Ого! – со значением сказал Петрушкин. Двадцатого августа у них все произошло в первый раз. – То есть, ты сразу же выступила перед ней с отчетом?!

– Ну, а куда было деваться? Да мне к тому же и хотелось с кем-то об этом поговорить... – засмеялась жена. – Не с мамой же говорить о том, что я стала женщиной...

У нее покраснели скулы. Петрушкин почувствовал в груди жар. Они посмотрели друг другу в глаза, и жена вздохнула, указывая глазами на детей. Петрушкин, улыбаясь, пожал плечами: «ну да, ждем вечера»...

Алина ушла. Петрушкин посмотрел ей вслед. Она как-то сказала ему, что одно из значений ее имени – благородная. Петрушкин давно считал, что еще и имя воспитывает человека. С Алиной так и было – она ходила так, как сейчас ходят редкие женщины: без суеты, спокойно и гордо. Удивительное достоинство было в ее жестах. Петрушкин еще раз позавидовал сам себе.

– Папа! Папа! – снова завопили пацаны, кое-как переживавшие родительские телячьи нежности.

– Сейчас, ребята. Продукты на кухню отнесу и весь ваш... – ответил Петрушкин.

Не то чтобы Петрушкины планировали большую семью – сама жизнь будто подталкивала их к этому. Когда родился Данил, та же Нина послала на радио поздравление, только имя новорожденного указала Аким. Она это, конечно, не сама придумала – Петрушкины обсуждали для первенца несколько имен, пока не остановились на Даниле. Но когда их поздравили с Акимом, решено было, что это – знак, что это Нина не ошиблась, а просто поторопилась.

Аким родился на седьмом году их совместной жизни. «другие в это время разводятся, а мы детей рожаем!» – гордо говорил об этом Петрушкин. Он признавался сам себе, что к рождению Акима был готов больше. С Данилом он был еще пацан – терялся, делал не то и не так. За Акима он взялся с рождения, да так, что первым словом мальчишки было «папа». Аким рос ласковым, таким, что захватывало дух. Вот и сейчас он прижался к отцу головой. Петрушкин наклонился, и Аким поцеловал его.

– Ты – рожица, а я – мордашка! – восторженно проговорил Аким. Петрушкин усмехнулся – это была любимая Акимова дразнилка. – Нет, я – рожица, а ты – мордашка!

С этими словами Аким отлепился от отцовской ноги, сорвался с места и бросился в детскую комнату, крича:

– А я первый! Я первый!

Данил тут же рванул следом.

Петрушкин пошел на кухню.

– Что купил? – спросила Алина.

– Все по вашему списку, мадам... – ответил Петрушкин. –

Ну и кое-что сверху...

При этих словах он достал из пакета бутылку красного вина.

– Хм... – хитро посмотрела на него Алина.

– А чего ж... – сказал он. – У нас сегодня дата. Можем себе позволить.

– Решил подпоить слабую женщину? – поддразнила его жена.

– Вот еще... Когда это я тебя подпаивал? – ответил Петрушкин. – Все было на трезвую голову!

– На трезвую – это да... – ответила, улыбаясь, Алина. – Но туману в моей голове было... Ты же какие песни пел, а?

– Да обычные... – ответил Петрушкин. – никакого спецрепертуара я на тебе не испытывал.

– Ну не знаю... – ответила Алина, подходя к нему, кладя руку ему на грудь и запуская ногти ему в грудь, как кошка запускает в ковер когти.

– Ого! – сказал Петрушкин. – Какая огненная страсть! Вулкан!

– А то! – ответила Алина. Глаза ее блестели.

– Дааа... – усмехнулся Петрушкин. – Как же мы будем обходиться в путешествии?

– А вот это вопрос, командор... – поддержала Алина. –

Это очень серьезный вопрос!

– Ладно... – Петрушкин посмотрел на нее смеющимися глазами – только дома и были у него такие глаза. – Будем действовать по обстоятельствам...

Глава 4

... деревня Перуновка стояла по обе стороны трассы, между невысоких, поросших зеленой травой гор. Когда-то давно разные этнографы делали из названия деревни разные мудреные выводы, создавали теории – вот, мол, это следы присутствия в регионе древних славян. Смущало этнографов только то, что деревне явно не могло быть тысячу лет – в эти места люди пришли лет двести назад, а тогда какие древние славяне? Потом некий краевед докопался до первых, двухсотлетних, документов и выяснил, что прежде в названии деревеньки было на одну букву больше, но потом кто-то из писарчуков эту букву для благозвучия выкинул. У этнографов был конфуз.

Из местных жителей эту историю мало кто знал – этнографы в деревню больше не приезжали. Почему деревня называется именно так, никто особо не вникал – ну Перуновка и Перуновка. Гора рядом с деревней за свою удивительную форму (два округлых полушария) называлась местными Жопа – вот это да.

Пейзажи вокруг были такие, какие принято сравнивать с альпийскими, только местные об этом не знали – деревня уже давно почти сошла на нет, а у тех, кто еще здесь оставался, телевизоров по бедности или не было, или они по старости показывали плохо.

Тридцатидвухлетняя Марина Кулик из Перуновки была как раз в числе тех, у кого телевизора не было вовсе. Откуда бы ему взяться, если в доме четверо детей? На телевизор еще заработать надо, а вот дети появлялись у Марины словно сами собой. Отцы их растворялись в серной кислоте времени разными способами – первый, от которого у Марины был старший сын Тимур, например, помер. Он был таджик, обещал Марине, которой тогда было 16 лет, увезти ее в Таджикистан, но замешкался – начались девяностые, в Таджикистане одни таджики резали других, и все вместе резали русских. То ли от тоски, то ли от местных холодов, таджик в конце концов заболел и уже не выкарабкался.

Потом было еще трое «мужей», от одного из них у Марины осталась фамилия – Кулик, и от каждого – ребенок: Ашот десяти лет, восьмилетний Ахметка и Люда четырех лет. Марина каждый раз надеялась, что вот этот-то мужик вывезет телегу ее жизни из той грязи, в которую она вляпалась, но каждый раз выходило – надеялась зря. Да, может, и не надеялась, а только делала вид, что надеется, обманывала себя? Марина знала свои женские обязанности: в хате у нее было хоть бедно, но чисто, одежда у детишек, передававшаяся по наследству, заштопана и выстирана. В своем селе они не особо отличались от других. Но было с кем сравнивать – через деревню по трассе ехали в горы туристы, останавливались в Перуновке купить кто молока, кто овощей. Вылежавшие из больших блестящих машин молодые парни и дев-

чонки смотрели на местных дикими глазами. Те, кто был постарше, смотрели иначе – сочувственно. Как-то раз, заметив такой взгляд, Марина и на себя, и на детей посмотрела чужими глазами и увидела свою нищету.

В тот вечер она стала сама не своя – лезли в голову всякие мысли. Вспомнилось детство, оказавшееся, она теперь понимала, лучшим временем в жизни. Летом была речка, зимой – лыжи, горки, снежки. Отец учил ее охоте – в этих местах все умели охотиться. Потом, с обнищанием, когда все стали по первобытному жить собирательством да охотой, зверье в округе повыбили, так что теперь и зайца добыть было нелегко.

Неплохо было и подростком – она нравилась мальчишкам, а потом начала нравиться и мужчинам. (она была крепконогая, с небольшой красивой грудью). Туристы и тогда ездили через их деревню – Марина ловила на себе взгляды взрослых мужиков, и однажды подружка объяснила ей, что при определенной ловкости можно без особых хлопот вкусно есть и сладко пить. Правда, за один такой обед ей пришлось заплатить своей девственностью, но к тому времени она уже не видела в этом особой беды.

Казалось, так будет всегда. Марина и недоучилась толком – просто перестала ходить в школу. Она думала, что деревня не для нее, тем более туристам Марина нравилась, и через одного они обещали на обратном пути забрать ее в город. Но как-то так выходило, что никто из обещавших на обратном

пути не останавливался в Перуновке. А потом, в 16 лет, она родила – уже не от туриста, а от простого строителя: для туристов подросли другие Марины. Вот так, в одночасье, стала она взрослым человеком.

В тот вечер, когда она задумалась о своей жизни, она поняла, что уже давно никто из туристов не смотрел на нее, а если и смотрел, то воспринимал как тетку. Она смотрела на свою деревню и видела, как сильно, по-стариковски, сдала деревня за последние годы: избы покосились, почернели. Никто уже не подкрашивал по весне наличники и ставни. Даже для этого нехитрого дела на душе должна быть радость – а ее не было.

В тот вечер она подумала, что единственная теперь ее надежда – старший сын Тимур. «вот вырастет Тимурка и вытащит нас всех... – подумала она. – или хоть чуток легче станет».

С этой мыслью она и жила. Казалось, ждать недолго: в прошлом году Тимур закончил девять классов и поехал в город учиться в ПТУ на водителя и комбайнера – водители и комбайнеры нужны во все, даже самые плохие, времена. Тимур присылал из города письма, по которым выходило, что все у него отлично и даже лучше: писал, например, что стал капитаном команды КВН и с директором училища настолько на короткой ноге, что тот сам возит его с учебы до общаги на своем серебристом «Мерседесе». Марина думала – разве так бывает? Но потом решила: все бывает, привалило и им

немного счастья.

Однако что-то не заладилось у Тимура в городе – в конце зимы из ПТУ его отчислили за плохое поведение. Марина хотела было ехать в город ругаться, да – на какие шиши?! Но тут, слава Богу, началась весна – горы зацвели, лес ожил. Марине казалось – они выкрутятся.

Тем более, Тимура взял к себе на работу брат Марины Михаил Федотов, фермер, а по здешним меркам почти кулак. Михаил держал маралов, была у него разная техника – он и устраивал Тимура в ПТУ. Федотов поставил племяша сторожить трактора и машины. Марина думала, что мог бы и получше дать работу племяннику, но чувствовала, что отношение брата к Тимурю после истории с ПТУ изменилось, и поэтому решила, что надо радоваться и малому.

Вот и сегодня, во вторник 8 августа, с утра Михаил увез Тимура на стоянку, где был скот – коровы, маралы. За такие дежурства Михаил немного платил, да еще и Тимур привозил те продукты, которые не успевал на дежурстве съесть. Марина снова решила, что надо радоваться и малому, и пошла в дом.

В хате, за столом с двумя налитыми доверху кружками чаю, сидел нынешний ее «гражданский муж» – востроносый и короткостриженный, похожий то ли на галку, то ли на грача, Митька Козырев, слабоумный парень, моложе Марины почти на десять лет. Несмелый, забитый, он боялся даже Ашота и Ахметки. Когда ел, похоже было, будто он боится, что у

него отберут еду – все время прикрывал ее руками. Марину удивляло по первости, что чаю он наливал себе по два стакана да до краев – вот как сейчас. Потом она поняла: видать, боится, что потом не дадут, хочет напиться «про запас». Но и такой мужик был в дефиците – все же есть теперь кому выполнять в доме тяжелый мужской труд. Козырев к тому же по причине недуга до Марины не знал женщин и теперь секс был для него как конфета – он постоянно только его и ждал. (но хоть и так, а паспорт его Марина забрала и припрятала).

– Митя, сходи за водой... – велела она.

– На каком основании? – быстро переспросил ее Козырев (он откуда-то знал много таких слов и выражений и сыпал ими так, что иногда было даже смешно – это забавляло Марину, еще и этим он был ей приятен).

– На таком, что воды нет... – ответила она. – Вода для стирки, так что возьми флягу и к реке иди.

Река Перунушка текла за последними домами деревни. Была она мелкая и быстрая, так что набрать чистой воды было делом непростым. Козырев, при всем слабоумии, об этом знал и помрачнел.

– Вы меня угнетаете! – объявил он.

– Вот щас как... – начала Марина и осеклась – «угнетаете» в нужную ей сторону не склонялось. – Допивай чай и шагай!

Козырев смирился и стал старательно дуть на чай в одной из своих кружек, желая в душе, чтобы чай не остывал как можно дольше – а там, может, и передумает Марина стирать-

ся.

Глава 5

Тимур и его дядька, Михаил Федотов, ехали в УАЗике по лесной дороге. Оба молчали. Тимур еще весной, по приезду из города, заметил, что дядька к нему переменился, и теперь гадал, что именно известно Федотову о его, Тимура, учебе в ПТУ.

– Думаешь, я не хотел высоко летать? А не всем дано... – говорил племяннику Федотов, большой и рукастый, перекрикивая надсадно ревуший двигатель. – надо радоваться тому, что есть. Работа есть, жизнь есть. Ты молодой, еще на все заработаешь.

– Когда? – вдруг спросил Тимур и взглянул на дядьку.

Федотов, решивший сегодня повоспитывать племяша, удивленно – весь этот долгий разговор Тимур молчал – посмотрел на него и сказал:

– Ишь какой. Поработай. Руки помозоль. Или ты хочешь все и сразу?

– В обяз! – твердо ответил Тимур, что означало «конечно». – На фига мне в старости деньги?

Федотов усмехнулся – шутник!

– На лекарства!.. – захохотал он. – на лекарства тебе в старости деньги!

Тимур замкнулся – эта шутка не показалась ему смешной. Федотов еще глянул на разом обугрюмившегося племянника

и нахмурился – воспитательной беседы не получалось.

В Тимуре ничего, кроме темной кожи, не было от отца-таджика – он имел вполне русское лицо. По обычаю молодежи стригся коротко. Федотов помнил Тимура с детства старательным пацаном. Федотов, как и Марина, надеялся, что из парня выйдет толк. Вместо этого вышла в ПТУ какая-то странная история, в которой Федотов сам не разобрался до конца, а Тимур на расспросы не отвечал.

Тимур был не в духе – с самого утра в этот день лезли в голову разные мысли, вспоминалось то, что хотелось забыть, особенно это чертово ПТУ. Суть вышедшей с ним там истории состояла в том, что ПТУ для Тимура оказалось не столько новым местом, сколько новым миром – и он был к этому миру не готов. В Перуновке все знали его и он знал всех – никому ничего не надо было доказывать. Не то чтобы однокурсники оказались волчатами – но необходимость даже минимальной борьбы привела Тимура в растерянность. Тимур, видать, так привык к поводырям, что самостоятельность, которую он ждал с замиранием сердца, вдруг ошарашила его – он ведь и правда оказался один и сам должен был все решать. Ему хотелось спрятаться от всего мира – он и прятался: на занятия не ходил, от насмешек соседей по комнате затыкал уши. Потом первые страхи прошли и он попытался освоиться в новом мире, но, видать, время ушло – Тимур уже не вписывался. К тому же была у него тайна, казавшаяся ему постыдной – он не знал женщин. В 16 лет это в общем-то не

удивительно, но кто бы Тимуру это объяснил? В разговорах он давал понять, что все видно и пробовано им многократно, но однажды это бахвальство утомило кого-то из соседей, и он спросил Тимура в упор при всех: «А вот скажи, у баб тещина дорожка есть?». Язык отнялся у Тимура. Все вокруг начали смеяться. Тимур выбежал из комнаты и вернулся туда только глубокой ночью, когда все гарантированно спали.

Он потом узнал, что тещиной дорожки – тропинки из волос от пупка к лобку – у женщин, конечно же, нет, это можно было понять любому, кто хоть раз видел женщину в купальнике хоть на пляже, хоть на картинке. Но именно то, что он «спалился» на такой чепухе, изводило Тимура. К тому же, выходило, что он трепло – и все его рассказы о том, что папка у него самый богатый в деревне фермер, о том, что у него самый большой в деревне дом, о том, что ему на восемнадцатилетие отец купит «Тойоту», которыми он приводил сокурсников в трепет и изумление, рушились теперь по принципу домино.

Зачем он врал, Тимур не мог себе объяснить. Более того, он и не мог себя остановить. Уже уличенный тещиной дорожкой, он продолжал что-то сочинять под насмешки пацанвы, которая очень скоро стала относиться к нему как к шуту. В пацаньей стае это было равносильно «гражданской смерти» – когда человек жив, ест, пьет, ходит по миру, но никто не относится к нему как к человеку. Однокурсники самоутверждались за счет Тимура всякими по степени обид-

ности способами – в разные их казарменные праздники ставили на табуретку, заставляли читать стихи и петь песни. А то гоняли на училищную кухню воровать еду. Тимур проклинал сам себя, но у него не было духу восстать и драться. Силы были – Тимур физически ничем не отличался от других таких же как он деревенских волчат – а духу не было.

Между тем, матери в письмах он писал другое: мол, все у него хорошо, все его любят, в рот ему заглядывают, пересказывают друг другу его слова. Сначала он еще понимал, что врет, но потом этот придуманный им мир завладел им полностью, так что вздумай кто-нибудь проверять его на детекторе лжи, вышло бы, что все его рассказы – про КВН, про директора, который возит Тимура на своем серебристом «мерсе», про «Тойоту» на 18 лет и про многое другое – чистая правда: прошел бы Тимур детектор лжи как Ким Филби. Он жил, как сказано в одном фильме, «в заповедном мире своих грез».

А потом все рухнуло – после зимней сессии, из которой Тимур сдал только физкультуру, его отчислили. Он вернулся домой и несколько дней от стыда на улицу не ходил – боялся, что смеяться будут. Потом начал ходить с таким видом, будто ничего и не было. Скоро ему и правда казалось – да было ли это ПТУ, был ли этот город? Только привезенные Тимуром оттуда сапоги – густо-коричневые, на широком низком каблуке, с тупыми носами и с высокой шнуровкой, настоящие городские сапоги, невиданное для деревни чудо, даже у

туристов не было таких – говорили, что город все же был, не приснился ему. Эти сапоги Тимур не снимал – они и сегодня были у него на ногах.

Когда мать сказала, что дядь Миша готов взять его сторожем, Тимур вскипел: как это, что это – коровам хвосты крутить?! Мать даже не поняла, о чем это он, и когда он заявил ей, что она во всем виновата – зачем рожала, если не может дать достойной жизни? – тоже не поняла.

– Ты где это слов таких понабрался?! – прокричала она и хлопнула его по затылку, хоть уже и дотягивалась до этого затылка с трудом.

Тимур промолчал. Он и сам не знал, где зацепил эти слова – про достойную жизнь: то ли в городе, то ли у деревенских друзей из какой-нибудь истеричной программы по телевизору. Но чем больше думал, тем сильнее убеждался – да, так и есть! И не только мать виновата – все, все кругом виноваты в том, что он, Тимур Кулик, молодой здоровый парень, живет вот так, едет сегодня на каком-то драндулете караулить коров и овец.

«Вся жизнь так и пройдет возле этих коров и овец... – тягостно подумал Кулик, уставившись в пол невидящими глазами. – Твою мать»...

У дяди Миши была возле маральника база отдыха с пантовыми ваннами. Туда приезжали разные компании. Тимур помогал на этой базе пару раз. Мужики, приняв ванны и надувшись пантокрину пополам с водкой, гонялись за визжа-

щими девчонками по всей базе. Что те, что другие, были то в минимуме одежды, а то и вовсе без нее. Тимур смотрел на это круглыми глазами – вот это была жизнь! Недостижимая это была жизнь...

– Хоть девчонка-то у тебя есть?

– А? – Тимур поднял голову и глянул на дядьку.

– Спрашиваю – хоть девчонка у тебя есть? – повторил Федотов.

– Да у меня этих девчонок! – раздухарился Тимур, но Федотов оборвал его:

– Не трепись, Тимур. Сам сочиняешь, и сам веришь. Кто тебе даст? У тебя же ни в голове, ни в руках ничего нет, а без этого девчонке не важно, что у тебя есть в штанах. Девчонки любят мужиков! Я в твои годы летом с комбайна не слезал – так зато осенью я мог себе позволить все!

– А где они, комбайны? – ехидно спросил Тимур, и Федотов только крикнул от этой находчивости племянша – комбайнов и правда в округе стало раз-два и обчелся, и удивительным образом ими успевали убрать то, что прежде убирали десятками машин.

– Ну так сядь, подумай башкой, пойми, чего ты хочешь, и что ты умеешь, чтобы твое желание исполнилось... – сказал Федотов. – Наймись куда-нибудь рабочим в конце концов. Детство кончилось. Да и матери надо помогать.

– Так к себе и возьмите... – поддел его Тимур.

– Я бы взял, но пинка для ускорения дать тебе не могу –

ты же племяш. А без пинка ты работать не будешь... – ответил на полном серьезе Федотов. – Можно, конечно, ждать, пока тебя жизнь научит. Но, боюсь, долгонько ждать придется. Вот ты задумывался, за чей счет ты сейчас живешь?

Тимур молчал. Федотов подождал, оглянулся на племяша и продолжил:

– Твои маленькие братики и твоя маленькая сестренка кормят тебя, здоровенного лба! Потому что живешь ты сейчас на их детские пособия! Мамка-то надеялась, что ты пробьешься, специальность получишь какую-никакую. Вот хоть плиточник-отделочник! Работа чистая, в тепле, с приличными людьми, за хорошие деньги. Взял плиточку – приклеил. Взял – приклеил. Мечта, а не работа! Но ты же не захотел. Или тям у тебя не хватило?! Надо жить как человек, а ты как живешь?!

Тимур замолчал и Федотов вдруг понял, что племяш не слушает его, что племяш уже и забыл про свое фиаско в ПТУ, как про нехороший сон. Эта мысль неожиданно поразила Федотова. Он посмотрел на Тимура. Лицо пацана было мечтательным. Федотов вздохнул и умолк.

«Блин, какой из меня воспитатель... – с досадой подумал Федотов. – да и его проще прибить, чем воспитать. Намается с ним Марина...».

Они выехали на небольшую поляну с крошечной, меньше самой плохой деревенской бани, избенкой и серыми кошарами. Это была стоянка, на которой Тимуру предстояло

двое суток, а то и больше, караулить федотовский скот. Выгрузили продукты. Отдежуривший сторож – старый ехидный дед, за вялость характера и вечно будто сонные, снулые, глаза с незапамятных времен прозванный Пескарем, – подошел к машине.

– Ишь какие ботинки-то у тебя, Тимурка! – хмыкнул он. – Знатная обувка!

Тимур хмуро, но довольно глянул на деда, но тот, оказалось, сказал еще не все.

– Только чего же ты их не бережешь-то – по назему в них топчешься... – едко добавил дед. – Эдак разлезутся! Коровье-то говно едкое!

Тимур оглянулся – и правда, в незастывшей еще куче коровьего навоза отпечаталась подошва его ботинка. Тимур досадливо мотнул головой и поднял правую ногу – так и есть, вляпался!

– Ишь, какой рисунок! – крикнул дед. – Прямо как на гранате-лимонке...

– Ого, дед, ну у тебя и сравнения... – хохотнул Федотов. – Где ж ты ее видел, гранату?

– Ну ты спросил... – лениво пожал плечами Пескарь. – Я ж русский мужик, а каждый русский мужик хоть какую-то войну, а зацепит... или она – его...

С этими словами он залез в УАЗик.

– Не горюй, куличок! – прокричал оттуда Пескарь. – Счастливо оставаться. Девчонок (он мотнул бороденкой в

сторону коров и залился смехом) не обижай!

Машина тронулась. Тимур остался один.

Тимур прошелся по территории стоянки, посмотрел, не разбегается ли скотина. Была жара, поэтому коровы или прятались в тени, или лениво лежали на траве. Тимуру и самому сразу стало лениво и скучно. Он осмотрел продукты – были только хлеб да овощи.

«Хоть бы какого мяса положил...» – с досадой подумал он о дядьке. Тут ему пришла в голову отличная мысль – мясо-то можно и самому добыть: неподалеку был солонец, куда дикие козы ходили лизать соль. А ружье, Тимур знал, дядька прятал в кошаре. Повеселев, Тимур пошел за ружьем. Стрелял он хорошо – попадал белке в глаз.

Глава 6

... «Какой херней я здесь занимаюсь!» – вдруг зло подумал Тимур. Он сидел на дереве и уже, наверное, полчаса караулил коз, а они все не шли. Но не это разозлило Тимура. Он вдруг подумал, что вся его жизнь – черт знает что, а не жизнь. Вот он, молодой здоровый парень, сидит сейчас на дереве, караулит какую-то козу, чтобы поесть. Ну убьет он ее, будет у него кусок мяса – и что?

«И что?!» – подумал Тимур, наливаясь ненавистью. Голова кружилась. Пекло. По дороге сюда Тимур подвернул к зарослям конопли и набил ею две сигаретки. Одну выкурил по дороге, вторую – вот сейчас, на дереве. Его здорово торкнуло: мир стал другим, мысли стали другими.

Он вдруг вспомнил, как дядька спросил его про девчонку. Хоть и не показал Тимур в машине вида, а вопрос этот больно ударил его. Тимуру нравилась одна в соседнем селе, но она там была первая красавица и у нее без Тимура хватало ухажеров. Обычно Тимур сам перед собой делал вид, что не больно-то она ему и нужна. Но сегодня, после всех дядькиных речей, после воспоминаний о ПТУ, после напоминаний о детских пособиях, на которые мать кормит и его, Тимур вдруг вскипел.

– Твою мать! – зло сказал он. Девчонка эта даже не смотрела на него. «А вот приехал бы на нормальной тачке, пока-

зал бы пресс денег, тут бы эта курица мне все свои дырки подставила!» – подумал он, цепенея от вообразившейся ему картины. Кровь бросилась ему в голову. Он сглотнул слюну. Мгновенно ему стало не до коров и овец, и даже о козе он уже не думал. Дядькины слова «надо жить как человек, а ты как живешь?!» вдруг всплыли у него в голове.

– Я хочу жить как человек! – закричал он во все горло прямо с дерева, распугивая птиц. – Как человек!

Птицы шарахнулись с соседних деревьев в стороны.

«Лекции мне читать! – подумал Тимур о Федотове. – Много вас, лекторов. Ты лучше помоги материально! Дал бы денег неделю пожить в городе как в кино, потусить, побарагозить, девок помять – а потом бы и спрашивал. Я ведь ни хера в жизни не видел, а с такой жизнью и не увижу!».

Тимуру вдруг сделалось себя очень жаль. От обиды на жизнь хотелось плакать. Одновременно с этим Тимур чувствовал, что ненависть кружит ему голову. «Всех, всех ненавижу! – думал он. – Все, все виноваты! Пидоры! Дайте мне пожить, пидоры!».

Тут на солонец вышла коза. Тимур увидел ее, но понял, что не коза ему сейчас нужна. У него к тому же было всего пять патронов и теперь – он чувствовал, что именно теперь! – следовало дорожить каждым из них. Он еще не знал, чего хочет, но чувствовал, что способен на все. Душа его пела, удивительная свобода распирала его.

«Думали, суки, я вам вечно буду в ножки кланяться и за

копейки благодарить?! – думал он, слезая с дерева и пробираясь потом куда-то, подсознанием зная, что идет к трассе. – А вот хер, это вы мне сейчас поклонитесь!». От этого ощущения – что он, Тимур Кулик, заставит сейчас поклониться весь мир – ему было радостно. От выкуренной конопли он так опьянел, что его шатало. При этом ему казалось, что лучше ему не было еще никогда. Мир вдруг стал для него прост и понятен. «вот пойду сейчас и все возьму! – подумал он с восторгом. – и мне все всё отдадут! А куда эти лохи денутся? Ружьишко-то у меня, а против ружьца-то не попрешь!»..

Он счастливо захрюкал – смех не получался.

– Надо жить, как человек! Как человек! – проговорил он сам себе со смехом. – Сейчас мы проживем как человеки, правда, Тимурчик?!

Так, разговаривая сам с собой, он подошел к трассе и устроился неподалеку от нее в кустах. Дядькино ружье было с самодельным вкладышем под винтовочную пулю. Тимур снял ружье с предохранителя и стал ждать. Голова его кружилась. На дороге показалась машина. Тимур приложился к ружью, дождался, пока машина приблизится, прицелился и пальнул. Машина остановилась. Тимур удивился сам себе – неужто попал с первого выстрела?! Однако лобовое стекло было цело, да тут из машины еще и вылез водитель. «Вот лох, сам просится...» – хохотнул Тимур и снова прицелился. Он выстрелил, но человек в этот миг наклонился и поля прошла у него над головой.

«А, сука! Не хочешь помирать?! – внутри себя возмутился Тимур. – ишь, блядь, не хочет!». он стал перезаряжать. Но человек, видать, услышал свист пули – он, выпрямившись, озирался, а потом, спохватясь, бросился к машине, вскочил на водительское место и рванул так, что Тимур только плюнул и в полный голос заматерился вслед.

«Ушел! Ушел!» – колотилось у него в голове. Станным образом то, что он только что пытался убить человека, не напугало его, а будто освободило. Оказалось – это не страшно. Оказалось, не страшнее, чем стрелять в козу. «ну человек... – подумал Тимур. – Человек. Пидоры все. Все пидоры. Всех бы кончил. Отсосите у меня, пидоры! Почему я должен их жалеть? Меня бы кто пожалел!».

Он встал из своей засады. Состоявшая из двух половинок гора попала ему на глаза, но не насмешила, как было обычно, а разозлила. «Вот ведь, натурально в Жопе живем!» – вдруг с яростью подумал он. Солнце предзакатно пекло. Патронов оставалось только три. Тимур подумал, что с этого места он ни в кого не попадет – надо было «охотиться» там, где машины останавливались. Он знал такое место на берегу Перунушки (молодежь уже давно звала речку Порнушка и сейчас Тимур, усмехнувшись, про себя назвал речку так же). Он пошел к реке, соображая, попадутся ли по дороге заросли конопли – хотелось еще кайфануть...

Глава 7

Через два дня Федотов приехал на стоянку со сменщиком. К удивлению фермера, Тимура на стоянке не было. «Ушел, сучонок! – подумал Федотов. – ну подожди!»..

Пока со сменщиком считали скот, пока давали корма, Федотову было не до мыслей о Тимуре. Потом Федотов заметил, что и продукты, которые он оставил племяшу, не тронуты. «Ишь, сука, чем же он кормился?» – подумал Федотов. Он в общем-то знал, что Тимур время от времени берет его ружье, приспособленное под патрон – поди и сейчас охотился. Федотов пошел в кошару, залез под пол. Так и есть – мешковина, в которую он обычно заворачивал ружье, лежала отдельно, а само ружье было мокрое, в грязи и траве. «вот сволочь... – разозлился Федотов. – Попользуешься ты у меня еще ружьишком».

Он взял оружие, лопату и пошел за стоянку, в лес. Там была приметная лиственница, под которой Федотов и закопал ружье. Работа немного успокоила его, но все равно, решил Федотов, надо заехать к сестре, дать племяшу хоть подзатыльник – нельзя же бросать скотину без присмотра!

Все еще кипя от злости, от мыслей о том, что вот ведь делал племяшу только добро, а он, неблагодарный кусок навоза, вон как отплатил, ушел – и бери кто хочет хоть барана, хоть овцу, хоть корову угоняй – Федотов приехал в Пе-

руновку.

– Привет... – многообещающе сказал он Марине, входя в избу. – А где же Тимур, племянничек мой дорогой?

– Вот ничего себе! – всплеснула Марина руками. – А не тебя ли я должна об этом спросить? Ты же его увез на стоянку.

– Ишь ты. Так нету его на стоянке! – развел руками Федотов. – нету. Убег твой захребетник.

– А куда же? – удивилась Марина.

– Да мне и самому интересно! – в сердцах сказал Федотов, бухаясь на стул и косясь на замершего у окна Козырева. – Как я понял, он почти сразу, как я уехал, и ушел. Два дня стоянка без присмотра! Это ж чудом ее не разорили! С кого бы и что я взял, если б скотину оттуда поугоняли? С тебя что ли, сестрица?

Он угрюмо смотрел на сестру. Он был старше ее на пятнадцать лет, его молодость пришлась на другие годы, он раньше научился горбатиться, чем пить, сестра же наоборот – в том он и видел причину всех ее бед. Всякий раз он думал, что, может, сейчас повезет Марине с мужиком, и всякий раз не только ей не везло, а еще оставался от мужика «подарочек».

– Так искать же надо его, Миша! – слезливо заговорила Марина. – Поехали, поищем...

– Вот уж нет, сестра! – стукнул он по столу. – Не дитя, сам придет. Медведей в округе нынче нет, не загрызет его никто. А и пропадет – так ты уж извини, у тебя еще в запасе трое!

– Что ты говоришь?! – воскликнула Марина.

– Да что есть... – насмешливо ответил Федотов. – Или, не дай Бог, уже четвертого ждешь?

Он покосился на Козырева.

– Как, получается у него? – кивнул он Марине. – Ждать мне еще нового племяша или племяшку?

– Да иди ты! – закричала Марина, разозлившись.

– Да я-то пойду... – сказал Федотов. – Но чтоб ноги больше твоего Тимурки в моем доме не было.

Он встал и пошел к выходу.

– Эй, малохольный... – окликнул он Козырева. – Может, ты знаешь, где Тимурка?

– Разве он мне докладывается? – по-змеиному нагнул голову над столом Козырев. – Он у нас старшенький, уходит, приходит, ничего не говорит. Чем занимается – рекбус, кроксворд...

Эти слова – «рекбус», «кроксворд» были еще одной любимой присказкой Козырева. Всякий раз, произнося их, он улыбался во весь рот, а потом начинал хохотать, как и в театре редко кто умеет: громовым «ха-ха-ха!», заливаясь словно Шаляпин какой. Захохотал он и сейчас. Федотов угрюмо посмотрел на это, сплюнул и пошел из хаты прочь.

Глава 8

Тимуру же было в этот момент хорошо, очень хорошо. Он был счастлив, или думал, что счастлив – а это собственно одно и то же. Он сидел в большой блестящей машине. Играла музыка. Было сколько хочешь пива и водки. Двое приятелей, с которыми Тимур пил уже второй день, заглядывали ему в рот.

– Семе-ен... – лениво растягивая слова, сказал Тимур. – Дрын, твою мать, хватит спать! Сходи, купи еще бухла и чего-нибудь пожевать...

С заднего сиденья поднялся Семен Дрынов, по вполне объяснимому прозвищу Дрын, худой, короткостриженный, в спортивном костюме, от которого исходил тяжелый запах блевоты. Еще не так давно он разговаривал с Тимуром сквозь зубы – но вот уже два дня был у Тимура на побегушках, с того самого момента, как Тимур почти ночью приехал к дому Дрынова на этой самой машине, в которой они сейчас сидели.

– Откуда машина? – удивленно спросил тогда Дрынов.

– Откуда... откуда... – проговорил задумчиво Тимур. Он показался Дрынову пьяным (а он и был пьян – в голову уже ударил выпитый коньяк, который Тимур нашел в машине, да и много чего еще ударило Тимуру в голову). Тимур внимательно посмотрел на Дрынова и вдруг сказал, со вкусом вы-

говаривая каждое слово:

– Короче, мочканул тут одного лоха, его лохушку, да еще двоих... А машина – ихняя.

Дрынов помнил свои ощущения в этот миг – ему стало страшно. Но тут же он вспомнил завиральные басни Тимура про его учебу в ПТУ и подумал, что и здесь, поди, то же самое. Правда, тут же появилась у Дрынова мысль – откуда же тогда машина, но он отбросил ее – проще было думать, что Тимур снова врет. К тому же он разглядел глаза Тимура – прежде таких глаз он у него не видел никогда. Дрынов понял, что если Тимур и не убивал, то уж точно добыл эту машину каким-то таким способом, о котором лучше не знать.

– Поймают же... – как-то жалко пробормотал Дрынов.

– Да поди нет... – Тимур пожал плечами как-то так, будто и не сомневался – не поймают, не боись.

Тут Дрынову в голову пришла мысль: если Тимур убил ради этой машины четверых, то ведь и его, Дрынова, замочит, если решит, что Дрынов способен его сдать. Дрынов побледнел как полотно. Тимур посмотрел на товарища, полез на заднее сиденье и вытащил оттуда недопитую бутылку коньяку.

– На... – сказал он. – Прикинь, у них полная тачка бухла!

Дрынов выпил прямо из горла. Коньяк для него был как вода. Но уже через минуту мир для него изменился – стало хорошо.

– Ну что, понеслась? – с предвкушением спросил Тимур.

Дрынов кивнул и полез в машину. Они покатали. Чем дальше, тем лучше становилось Дрынову. «вот ведь, говорил Тимурка, что заживет, и зажил!» – хмельно думал Дрынов, уже и не помня, не думая, какой ценой «зажил» его товарищ.

– Тимур, дай порулить... – попросил он.

– А ты умеешь? – иронически, свысока, спросил Тимур.

– У меня ж права!

– На трактор «Беларусь» у тебя права! Права у него... – издевательски протянул Тимур и посмотрел с насмешкой на товарища: – А это-то – тачка, настоящая. Педальку чуть вдавил – и полетела!

Дрынов с удивлением видел, что Тимур какой-то другой – такие лица были у разных больших начальников, иногда приезжавших к ним в село, да у тех мужиков, которые, вылезая из своих «Ленд-Крузеров», покупали у местных молоко. Это были люди из другого мира, подробности жизни которого можно было только попытаться угадать: большие дома, новая одежда, сытая жизнь, насыщенная теми удовольствиями, которые показывают в кино и в существование которых Дрынов не сильно-то и верил (так, изрядно сомневался он в существовании стрип-баров – в чем смысл? – думал он). Тимур смотрел сейчас будто издалека и свысока. Глаза его были полуприкрыты. Дрынов по недалекости не все и уловил: Тимур сейчас видел себя еще и со стороны и от этого получал отдельное удовольствие: ведь все сбылось – он на тачке, он при деньгах, он повелитель жизни!

Он уже почти не помнил, что было с ним за час до этого. Не подстрелив первого мужика на трассе, он вспомнил, что есть место, где туристы останавливаются на ночлег – туда и пошел. По дороге сорвал еще коноплю, набил сигаретку, покурил – стало еще лучше. «Учиться, говоришь, надо... – пробираясь по лесу, вспоминал Кулик разговор с дядькой. – Плиточником, говоришь... Совсем ебнулся дядя Миша – плиточником! Сам всю жизнь в говне, и мне свое же говнище предлагает»...

Был уже десятый час вечера, когда он добрался, наконец, до нужного места на берегу Перунушки. Еще на подходе он понял, что угадал – тянуло костром. «есть! Есть!» – думал он, смиряя сбившееся от быстрой ходьбы дыхание. Тихо – этому хорошо научился за жизнь – он пробирался между деревьев. Скоро слышны стали голоса. Он подошел к стоянке вплотную и устроился за старой толстой сосной. На берегу стояла большая черная машина – у Кулика перехватило дух при ее виде. Женщина доставала что-то из сумок, а высокий, раздетый по пояс, жилистый мужик рубил на дрова валежник. Тимур решил, что первым надо убивать мужика – вон какие мускулы, да и топор... К тому же, патронов было три – «на мужика хватит, а с бабой уж как-нибудь, хоть руками...» – весело подумал Тимур – ему все это казалось чрезвычайно смешным.

Он начал целиться. Как сквозь вату, до него доносились голоса.

– Ну что тебе, трудно, скажи – я тебя люблю... – говорила женщина смеющимся голосом.

– Нет ни слов таких, ни чувств! – отвечал ей мужик, громко ухая топором в ствол дерева. – Есть одно влечение полов для продолжения рода.

– Ах, для продолжения?! – засмеялась женщина. – Мы свой род продолжили, так что теперь и не подходи ко мне!

Она отошла. Мужик выпрямился и повернулся в ее сторону.

– Алина! – позвал он. – Алинчик!

Тимур выстрелил. Сделанный в охотничьем ружье вкладыш был под трехлинейный патрон – большая пуля попала мужику в спину и ударила его, словно палка. Мужик, издав странный звук, – словно кашель, – упал. Женщина мгновенно обернулась и, остолбенев, смотрела на него. Тимур, не торопясь, прицелился и выстрелил ей в грудь. Она рухнула на спину. «Во как! Во как! – думал Тимур. – У Тимурчика глаз – алмаз!». Он встал из своей засады и пошел к машине, как кладоискатели идут к сундуку с золотом.

И вдруг дверь машины распахнулась, оттуда вывалился мальчишка, крошечный, золотоволосый. Тимур уставился на него.

– А ты откуда, малец?! – весело закричал Тимур.

Мальчишка бросился к отцу. Тимур вскинул ружье и выстрелил в пацана, словно в утку, влет. Мальчишка рухнул на бегу. Тут у машины опять раздался какой-то шум – Тимур

оглянулся и увидел, как еще один мальчишка, почти близнец первого, только поменьше, золотоволосый и сосредоточенный, вылезает из машины, держа в руках пластмассовый меч.

– Ого! – сказал Тимур. – Воин? Хочешь побиться? Ну давай, нападай!

Он пошел к пацану, перехватывая ружье за ствол. Мальчишка сжал зубы, глаза его вспыхнули, он бросился вперед, вытянув свое несерьезное оружие. Тимур с размаху саданул ему по голове прикладом. Брызнула кровь.

– Ого! Ого-го! – загоготал Тимур. – Против лома-то нет приема!

Он осмотрелся. Женщина хрипела и пыталась подняться, глядя на него.

– Чего смотришь, сука? Чего zenки вылупила, коза?! – закричал он.

Он оглянулся и заметил большой камень. Взяв его двумя руками, он пошел к ней.

– Алинчик! – вдруг вспомнил он. – Алинчик, значит... Развели тут сюсю-мусю...

Она смотрела на него. Кровь бежала у нее изо рта. Он поднял камень над головой и с размаху, с силой, бросил его на это лицо и на эти карие, большие, прожигавшие его глаза. Потом он снова поднял мокрый, в крови камень и для верности ударил ее по голове еще. Тело ее дергалось.

Словно пьяный, Тимур ходил по стоянке. Запах крови за-

полнял его ноздри и дурманил. «дети что ли шевелятся? – вдруг удивленно подумал он. – или это еще с травы меня колбасит?». Он взял топор и с хохотом разбил сначала одну золотую детскую голову, потом другую.

Тут сзади что-то хрустнуло – Тимур оглянулся и увидел перед собой того самого мужика! Кровь лилась у него и по груди – винтовочная пуля просадила его насквозь. Мужик что-то хрипел, глаза его страшно смотрели на Тимура.

– Ого! Ожившие мертвецы! – заорал Тимур, размахиваясь топором и со всего маху вонзая лезвие прямо между этих страшных глаз. Мужик рухнул.

Тимур оглянулся – на этот раз мертвы были все. Он снова, как загипнотизированный, пошел к машине.

– Вот она, тачка, моя тачка, дядя Миша! Учиться, говоришь! Да забей себе в зад свои науки! – кричал Тимур, распахивая все двери машины и жадно глядя внутрь, вдыхая особый запах велюровых кресел. Он залез на водительское место и закричал:

– ААААААА!

Он начал шарить вокруг, открывать бардачки и разные отделения. Из бардачка выпала бутылка коньяку.

– Ого! Живем! – закричал Тимур, откупорил ее и выпил из горла сразу полбутылки. Сунув бутылку в карман, он выбрался из машины. Взяв за ногу женщину, он потащил ее к воде, толкнул в реку и смотрел, как она уплывает. Потом сбросил в речку детей. Потом взялся за мужика. Но голое,

измазанное в крови, тело выскальзывало у Тимура из рук. К тому же ему вдруг начало казаться, что и так никто никогда не догадается, что это он убил.

Протащив труп несколько шагов, уронив его пару раз, Тимур в конце концов махнул рукой.

– Да ебись все конем! – объявил он громко, на весь мир. К тому же, все эти заботы оттягивали начало его новой жизни!

– Лежи здесь! Только никому ничего не говори! – сказал Тимур покойнику, помахивая пальцем, и пьяно захохотал.

Потом он сел в машину, выехал на трассу и покатил по ней. Смеркалось. Он подумал, что надо бы вернуть на место ружье. Проехав по трассе в сторону федотовской стоянки, он быстро добежал до нее, торопливо сунул ружье на место и так же бегом вернулся назад, к машине – пора было начинать праздник!

Тимур вдруг подумал, что радоваться наедине с собой неинтересно – все должны увидеть, как он теперь живет, все! Дрынов был первым, о ком он вспомнил. Потом уже с Дрыновым они поехали в соседнее село – к той самой девчонке, к которой прежде Тимур и подойти не смел. Ничего, впрочем, не получилось и нынче: Тимур сигналил возле ее дома, но из открывшихся ворот вышел ее отец с ружьем и разными словами пояснил, куда поздним гостям надо убираться. Обложив и его в ответ матом, Тимур нажал на газ.

– Да не нужна мне эта курица! Я щас пальцем поманю – любая на спину упадет и ноги расставит! – кричал Тимур,

летя по трассе.

Они с Дрыновым заехали за витюхой Крошкиным.

– Витюха, гуляем! – закричал ему из машины Тимур.

Крошкин подошел, глядя изумленно то на него, то на машину.

– Что, Витя, глаз слепит? – самодовольно спросил Тимур. – Вишь, моя!

– Откуда? – изумленно спросил Крошкин.

– Короче, Витя, если тебе что-то нравится, так надо это брать! – назидательно проговорил Тимур. – Туристы, короче, чего здесь ездят, дразнят народ? Не хер! Они покатались – теперь мы покатаемся!

– Ты угнал что ли? – недоверчиво спросил Крошкин.

– Да хрен там, угнал! – загоготал Тимур. – Короче, ты с нами едешь или нет, решай, блин...

Крошкин махнул рукой и полез внутрь. Ему тут же дали глотнуть коньяку.

– Богато живешь... – снова удивился Крошкин. – Клевая тачка! И пошло! Откуда? Дядькино что ли все?

– Хер там, дядькино! Дождешься! – сказал Тимур.

– Да скажи ему, скажи, Тимурчик... – подначивал Дрынов, – Вот у него рож-то будет! Поугораем!

– Да ты бы на себя посмотрел! – покосился на него Тимур. – Ну, короче, Витюха, замочил я четверых городских, а тачку себе забрал.

Про то, что двое из городских были дети, он инстинктив-

но не рассказывал – думал, что это уже перебор, хотя лично его убийство детей уже почти не волновало – так, легкая неприятность, как бывало, когда ему приходилось топить в ведре котят.

– А в тачке и бухло, и бабки! Понял?! – закричал Дрынов Крошкину. Но того будто разбил паралич.

– Что, Витюха, напрудонил в штаны, что ли?! – заржал Дрынов. – Так у них, прикинь, есть хорошая туалетная бумага, твоя жопа такой отродясь не видела! Ты мужик типа или фуфло?!

– Как замочил? – спросил, белея, Крошкин.

– Как-как – из ружья! – весело закричал Тимур, а потом сложил пистолетиком указательный и средний пальцы правой руки и «выстрелил»: – Пах! Пах! Пах! Пах!

Крошкина начало трясти.

– Ого! – сказал Тимур. – Будь мужиком!

Крошкину налили еще. Он смотрел то на одного, то на другого и не мог поверить, что хозяева этой машины убиты. «Да нет, не может быть... – говорил он себе. – Не хватило бы у Тимура духу, врет».

Впрочем, еще после пары глотков Крошкину вдруг стало все равно. Тимур нажал на газ и полетел. Он видел, как смотрят на него пацаны – в глазах их был ужас и восхищение. Сам себе Тимур казался... да он и понять не мог, кем он себе казался.

– Ну что, будем теперь бандюганами?! – кричал он, пы-

таясь перекрыть рев включенной почти на полную магнитолы. – Мы банда! Мы банда!

Дрынов с Крошкиным, изрядно набравшись, улюлюкали и тоже кричали: «Мы банда!». В машине оказалось кроме коньяка, еще пиво. В поясной сумке Тимур нашел несколько тысяч рублей. Они подкатывали к ночным магазинам на трассе, покупали самую дорогую выпивку, и, отъехав, пили все из горла, разливая на грудь и на землю.

Проезжая мимо какой-то деревни, они увидели идущих откуда-то двоих девчонок. Тимур сбросил скорость так, что машина кралась вровень с девчонками.

– Эй, подруги! Прыгайте к нам! С нас бухло, а с вас... – он не мог придумать ничего в рифму. Дрынов и Крошкин, сидевшие сзади, зафыркали от смеха.

– А с вас – перепихло! – заорал, высовываясь пьяной рожей в окно, Дрынов.

– Вот блин, короче, ты Пушкин, Сеня! – закричал Тимур. – Ты Пушкин! Девчонки, ну так как?! Прыгайте в тачку, с нами клево!

Пьяными глазами он видел, что девчонки-то тоже едва живы – одна держала другую. Но ему было все равно – к машине и выпивке должны были прилагаться женщины и секс. Одна из девчонок выдула из жвачки пузырь, хмыкнула, и сказала:

– Что, сосунки, на папиной тачке куролесите, пока папа в отъезде?

– Скажи ей, скажи, Тимур! – закричал Дрынов.

– Скажи, пусть в трусы насыт! – заржал Крошкин.

Но Тимур, хоть и туман стоял в голове, понимал, что девчонке говорить нельзя.

– Ага... – сказал он. – Короче, едешь?

Девчонка мотнула плечом и с таким видом, словно делала одолжение, села на переднее сиденье – рядом с Тимуром. Ее подружка так и осталась спать на обочине, когда Тимур, нажав на газ, рванул по трассе прямо навстречу нависшей над блестящим асфальтом огромной луне.

Они ездили на дискотеку, потом в какой-то кемпинг, – Тимур везде хотел показать, что у него все отлично. Потом он взял девчонку за руку, отвел подальше – и она пошла за ним, ни слова не говоря! Это поразило его больше, чем что-либо другое в этот день. Она была его первой женщиной. «ну да, телка стремная, – думал он про себя, – но ничего, еще полапаем и королев!». Тимуру казалось, что теперь все в мире будут выполнять его желания. Девчонка была так себе, но прежде и с такими у Тимура не выходило ничего. Тут же они трахнули ее втроем – это было уже из какой-то совершенно иной реальности.

Утром машину выкинуло с трассы. Не обращая на это внимания, они уснули в ней. Только около четырех часов дня какой-то грузовик вытянул их на дорогу. (Сейчас Тимур жалел о тех нескольких часах, что они провели в кювете – зря пропало время, зря!). У машины два раза закипал радиатор

– Тимур начинал подозревать, что машина мстит ему за убитых хозяев и ругался с машиной, грозя скинуть ее с горы под откос. Под вечер девчонка почему-то ушла – Тимур так и не понял, почему. Оставшись втроем, они заехали в небольшой городок, поставили машину в переулке и жили в ней, как в палатке: пили, спали, бегали отсюда на реку купаться. В машине гремела музыка, Тимур замечал, как из соседних домов пугливо взглядывали на них, и от этих взглядов ему хотелось отчудить еще чего-нибудь – да жаль, не было ружья!

Так прошли ночь, утро и еще полдня. Потом, где-то в обед, магнитофон в машине замолк. Тимур поколотил его кулаком, но магнитофон молчал. Погасла и панель. Тимур понял – аккумулятор сдох. Почти в это же время кончились и деньги.

– Все! Праздник кончился! – мрачно сказал Тимур Крошкину и Дрынову. Они выбрались из машины, сорвали с нее номера, и пошли к трассе – возвращаться домой предстояло пешком...

Глава 9

– Так... – сказал главный редактор, пережидая, пока все усядутся. – ну что, прочитать вам пару анекдотов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.